

Николай ШАМСУТДИНОВ

ИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ

Передавая редакции свои новые стихи, сургутский поэт, член Союза писателей СССР Николай Шамсутдинов сказал: «Над стихами антивоенного цикла я работаю по специальному заказу Центрального Комитета комсомола. Тема предотвращения ядерной катастрофы является в наши дни наиболее актуальной из ряда насущнейших проблем, стоящих перед человечеством. Девизом своей новой работы я взял крылатые строки Владимира Маяковского: «Я хочу, чтоб к пштыку приравняли перо». Именно они, на мой взгляд, наиболее полно и весомо раскрывают направление работы каждого литератора».

Итак, новые стихи Николая Шамсутдинова, дорогой читатель!

Парус протеста

«Если не я, то кто же?»

Жанна Д'Арк.
На полгода в Тихий океан на паруснике «Тихоокеанский миротворец» ушла семья Этель со всеми четырьмя малолетними детьми. Ушла ради насущнейшего и святого на земле — спасти мир. Спасти от войны детей. Людей. Землю.
Они взяли курс на атолл Муруроа, где на ядерном полигоне проходят испытания французские ядерные бомбы.

I
Рван горизонт,
И пьян ураган.
Грозы
Всполохами по небу машут.
Но океан — экзотика...
Тысячи миль небывалого марша.
Там, где закат горизонт оковал,
Ракетносцам и танкерам — Тесно.
Но прорастает настречу им,
Ал,
Крохотный парус — парус протеста.
Вот он,
Омытый последним лучом,
Вот он
Пронизан багрянцем заката,
Хрупко налег на волну,
Не учтен
На потайных стратегических картах.
Чтобы не сгинуть в бреду мегатонн,
Не раствориться в протоне всем,
Разом — Парус вздымает, словно ладонь,
Словно ладонь,
Протестующий разум.

II
Рядовой полигон
Посреди необъятной воды,
Где грибовидные смерчи — словно бы отсветы близкой беды.

...И рядовая — каких миллионы — семья посреди океана.
Рассолодевшее солнце, ленивые глубы — яирвана...
Ночью,
Оправлены в свет, в мириады огней,
Пряные сумерки фосфоресцируют смехом детей.
Но, содрогаясь под ветром,
Клопочет напрягшийся парус!
Брезжит над водами Ноев ковчег в новой редакции?
Но Арарат ли парусник идет, одетый в звездный стекларус?
Он приближается к зоне повышенной радиации.
Круто движение паруса врезано в звездное небо.
Требовать МИРА! — сегодня насущней, чем требовать ХЛЕБА!
МИРА — морям, пострадавшим людям и землям!
И понимаешь, что каждый от этих проблем неотъемлем.

III
Восток наливался глубинным разбуженным светом.
Спал мир,
Как порой еще спят на рассвете.
Меж безднами,
Властно влекомые ввнузданным ветром,
На крейсерской скорости спали беспечные дети.
Тонули в воде отголоски отхлынувшей бури.
Светлела вода в бликах мягких — оранжевых, синих...
И, словно бы волны, из дышащей влажной лазури,
Ознобно плеща, напыляли соленые сны их.
На медленной зыбь качались ленивые лодки.
Встающее солнце бежало, струясь,
По дельфину...
В тот миг Самолет оторвался от утренней взлетки,
Обугленным грохотом выстлав долину.
И, тая в зените Над синей, над сжавшейся далью,
Ревущим потоком он несся над снами,
Он люте Расклинивал небо,
Тая подубойною сталью
Урановый смерч,
Расфасованный по

бомболокам.
Он взламывал, Вламывал утро, огромный.
И мир затаился внизу, оглушенный спросонок.
Но вздрогнуло сердце, И гневно ударили громом набатные сферы.
И с плачем проснулся ребенок...
IV
Океан — полигон.
Здесь нечего делать поэтам.
Нет эпитетов — бомбам, запетым радарам, ракетам.
Только лозунг борьбы, только логика действия Истинный!
Промедления наши в пассивности — самоубийственны.
Хирсома и Герника — вечные символы варварства.
Тщетно — в поисках счастья метаться от полюса к полюсу.
Верю неутюжимо, что парус потянется к парусу
Так же мощно и страстно, как голос потянется к голосу.
Мы живем на земле в пору страшную атомных завязей,
Вспомни, ты отделен от нас беззащитною кожей.
Нашу первую заповедь мира и мужества Разве Мы не сверили с совестью:
ЕСЛИ НЕ МЫ, ТО КТО ЖЕ?
И уснуть невозможно — ЕСЛИ НЕ Я, ТО КТО ЖЕ?
Мимолетный прохожий, ЕСЛИ НЕ ТЫ, ТО КТО ЖЕ?
Продолжайся же, МАРШ,
Чтобы не было детского плача,
Чтобы жил ОКЕАН, ничего в страшных схемах
Не знача,
Чтобы солнце не застыло рваное облако пепла!
Белый ПАРУС ПРОТЕСТА — пред термоядерным леклом.
ОКЕАН — воплощение нормальной, естественной воли.
Мы, ПРАМАТЕРЬ ВОДА,
твои малые дети,
не боле...
Твой взыскующий разум не дремлющ,
твой голос тревожен,
Не дает нам покоя — ЕСЛИ НЕ ВЫ, ТО КТО ЖЕ?!

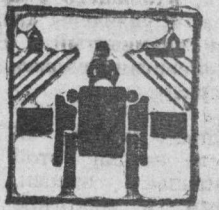

«В Западной печати все чаще раздаются призывы президента Рейгана к более интенсивному наращиванию военного потенциала стран — участников НАТО».
(Из газет).

Ты ранние гранки берешь —
У лица Коробится вламя в газетных столбцах,
По материкам расплзается страх.
И снится, как в мире, раздором разъятом,
В зенит Грибовидное древо растет,
О землю Гранитными ливнями бьет,
Обугленным воплем по небу метет Разгневанный атом.
Забудьте прогнозы,
Как в вешней ночи Грачи очумеют,
Взяются ручки,
С зарею в работу впрягутся лучи,
Ведопорчится завязь Ведь под автоматом,
Навек ухода, Обрывая свой бег,
На ольстерский снег Упал человек —
Вот жертва твоя, разгневанный атом.
Газеты — о нем, Телетайпы — о нем,
И никто, осклабясь кривящимся ртом — «Удобно ль мод ядерным суперзонтом?»
Привычно добавил, что скоро взрвет он,
Последний, Взрывной диалог мегатонн,
В миру вдарится проклятый протон,
Мессией в урановом нимбе грядет он...
О чем телетайпы стучат?
«Обречен Весь мир», Гороскопы твердят:
«Обречен...»
Душа исстрадалась в безверье и вере.
Уже вырезают прогнозы,
О чем Расскажет Гомер послеатомной эры?
Ни о чем!
Ответ, мой рентген, — неподкупнейший лист,
Затем ли влюбленные в мире слиться, и губы спелись
И связи истлели?
Довольно пророчеств О неотвратимости Судного дня
И о мессианстве сленго огня,
Ведь атом бессилен, коль мир не захочет
Его на планете,
как ты или я!
...Вне всяких прогнозов алеет рассвет,
И я начинаю обычный сонет,
Где атом — анатом и реаниматор,
Одухотворяющий мирный реактор — Творец...
Не в нейтронного дьявола, нет!
Я верю в иной, создающий атом,
Как верую в вострадающий атом,
Поэт тридцати жизнетворческих лет!

Хлебный колос Сибири

АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

Примерно треть территории Сибири — тундра. Четыре пятых земель там — это зона вечной мерзлоты. Биоклиматический потенциал Сибири в три раза ниже, чем Западной Европы или США. А хлеб там не менее там растет, причем весьма высокой товарности.

В абсолютных цифрах сборы зерна достигают почти 30 миллионов тонн. Население приближается к 30 миллионам человек. Это значит: в Сибири производится зерна до тонны на человека. И это не предел. Урожайность сибирских полей, как считают специалисты, можно резко повысить. К примеру, сейчас в сибирских сельскохозяйственных кругах много говорят об опыте Омской области. Там среднегодовое производство зерна за минувшую пятилетку увеличилось на четверть, средняя урожайность поднялась на два центнера с гектара. В некоторых хозяйствах получают по 30, а то и более центнеров с гектара. Тут, конечно, сыграли свою роль и селекция, и агротехника, и система земледелия, учитывающая сугубо местные условия.

Сибирь сельскохозяйственная велика: 60 миллионов гектаров угодий, из которых около 27 — пашня. Но это не одинаковая земля, не одинаковая пашня. Различия существуют не только между севером и югом, западом и востоком. Иногда в одном регионе соседствуют несколько почвенно-климатических зон. Взять, к примеру, ту же Омскую область. По почвенно-климатическим условиям она делится на четыре зоны: степную, граничащую с Казахстаном, южную лесостепную и подтаежную. В каждой из них специфические почвенные характеристики, отличающиеся по сумме температур и количеству осадков. Поэтому каждая требует свои варианты технологий возделывания сельскохозяйственных культур, приспособленные к почвенно-климатическим условиям. Аналогичная картина и в других областях и краях Сибири. Создать для всех зон собственную зональную систему земледелия — над этой проблемой работают и ученые, и практики.

Четверть века назад в Сибири было распахано свыше 10 миллионов гектаров целинных и залежных земель, в том числе около трех миллионов в Алтайском крае. Первые «целинные» годы порадовали сибиряков невиданными урожаями. Но в этой победе были свои минусы. Размолотая на огромных пространствах плугами и боронами почва, на создание ко-

торой природа тратит не менее 200 лет, в считанные секунды поднималась в воздух. Ведь ветры здесь дуют почти все дни в году и достигают скорости 20 метров в секунду. Прибавьте к этому весьма нередкие и жестокие «черные бури» и засухи. Как здесь выращивать хлеб?

О том, как обеспечить растущее население Сибири сельскохозяйственными продуктами в основном за счет местного производства (это записано в Продовольственной программе СССР на период до 1990 года), мне рассказывал коренной сибиряк Николай Федорович Аксенов, первый секретарь Алтайского краевого комитета КПСС. На Алтае два из каждых пяти лет острозасушливы. Несмотря на это, за четверть века урожайность зерновых поднялась вдвое, продажа зерна государству возросла в 4,4 раза и составляет в среднем за год более пяти миллионов тонн. Чтобы поднять в юлтора — два раза урожай, недавно была круто изменена классическая система земледелия: отвальная обработка почвы, которая вызывала ветровую эрозию, заменена безотвальной. Вместо обычной мугла почва стала обрабатываться плоскорезами с сохранением стерни. Широко применяется защитное лесоразведение — за ту же четверть века Кулундинская степь, например, превратилась в лесостепь. Впервые в Сибири вводятся орошительные земель — заканчивается строительство канала в Кулундинской степи, Алейской и Чарышской оросительных систем. Это позволит уже в недалеком будущем орошать около трех миллионов гектаров, а значит, собирать высокие и стабильные урожаи...

Сибирская земля до сих пор практически не знала минеральных удобрений. Вносятся их всего лишь около 20 килограммов на гектар — в 3,5 раза меньше, чем в других районах страны. Идут они в основном под кукурузу, овощи, технические культуры. Зерновые растут только за счет естественного накопления питательных веществ в почве.

Планы дальнейшего освоения богатств Сибири носят широкий, комплексный характер. Ю. ШЕБАЛИН (АПН)